УДК 17

ВОЗМОЖНА ЛИ ОНТОЛОГИЯ ПРОБЛЕМЫ?

И.Б. Ардашкин

Томский политехнический университет
E-mail: ardashkin@mail.ru

Рассматривается возможность существования онтологии проблемы. Доказывается, что проблема обретает собственную онтологию в условиях субъективной реальности, что позволяет устранить субъект-объектные отношения в познании.

В последнее время особенно остро стоит вопрос о субъекте в познании. Эта острота вызвана тем, что, с одной стороны, традиционное представление о статусе субъекта в процессе познавательной деятельности, рассматриваемое через призму субъект-объектных отношений, уже неприемлемо, а, с другой стороны, возникший плюрализм интерпретаций участия субъекта в познании не дает четкого понимания того, каковы роль и пределы субъективности в процессе освоения мира. Эта ситуация достаточно болезненно отражается на представлениях о характере познания, поскольку субъект и его влияние на знание, на процесс его получения не должны оставаться неопределенными. Без субъекта нет познавательной деятельности. Следовательно, открытость в этом вопросе не может не сказаться на ситуации в отношении форм познавательной практики, к коим в качестве одной из важнейших следует причислить проблему.

Проблема традиционно выступала как субъективный фактор обнаружения незнания или неполноты знания. Субъект начинал познание с постановки проблемы, без этого процесса познание не могло начаться в принципе, если его целью было получение нового знания. Однако в результате познания проблема должна быть снята опять же субъективным образом, но так, чтобы ее устраненность имела объективное значение. Таким образом, проблема имела гносеологический статус, связанный с ее субъективным происхождением и завершением, что делало познание и получаемое знание объективным.

Сегодня же вопрос об элиминации субъекта не стоит. Скорее всеми признается его необходимость и неизбежность в познании. Д.И. Дубровский так характеризует эту ситуацию: «всякое знание осуществляется в форме субъективной реальности (восприятий, представлений, мыслей отдельных людей). Это – исходная и конечная форма всякого действительного познания. Исходная – в том смысле, что любое знание первично возникает лишь в качестве содержательно определенных явлений субъективной реальности (иного не бывает, если в мире нет Бога и божественных существ). Конечная – в том смысле, что знание, опредмеченное в письменных текстах и других материальных носителях, является «мертвым», пребывает в состоянии анабиоза, если оно никем не распредмечивается и не приобретает качества субъективной реальности» [1. С. 37]. А в рамках познания знание всегда актуализируется, причем актуализируется субъектом. А значит, проблема как проявление субъективности познания не может быть устранена, если это знание не выведено за рамки субъективной реальности (СР), что в познании не может произойти. Значит интерпретация проблемы как переменного способа познания неверна. Отсюда возникает постановка вопроса, связанная с определением статуса, роли и смысла проблемы в условиях ее постоянного наличия в процессе познания. Ведь если сохранить только традиционное (гносеологическое) понимание проблемы, то субъективность, значимая для познания только через аспект субъект-объектных отношений, будет носить проблемный характер, поскольку ее присутствие в знании связано не с отображением объекта, а искажением его. Одновременно, если допустить субъективность в качестве константы познавательного процесса, гносеологическая трактовка проблемы не будет соответствовать обозначенным ей месту и роли в познании, ибо субъективность трансформируется в солипсизм, поскольку объективность в таком случае получит вид способностей субъекта в его возможностях проблематизировать что угодно. И эта сторона темы также говорит о необходимости определения статуса проблемы в познавательной деятельности, ибо не может изменение статуса субъекта не сказаться на статусе его проявлений, обусловленных проблематизацией.

У этой темы есть еще одна сторона, которая не менее значима первой. Гносеологическая трактовка проблемы неявно ориентируется на когерентность субъективной деятельности (сознания, мышления) с объективной реальностью (физическим миром). Имеется в виду, что проблема – это свидетельство неадекватного отражения объекта в СР, которое сам же субъект обнаруживает. Предполагается, что структура мышления соотносится со структурой реальности, поэтому и возможно адекватное познание этой реальности, в которой субъект сначала познает, а после, устранившись, отождествляет знание о реальности с реальностью. Но вот в самом ли деле эти моменты совпадают – это тоже вопрос? С.С. Гусев считает, что большинство сложностей в философском осмыслении познания связано с такого рода допущением. «Многочисленные трудности, с которыми не раз сталкивались исследователи, пытающиеся построить эффективные модели «СР», определяющей человеческое взаимодействие с внешним миром, обусловлены прежде всего тем,

что представления о природе этого феномена базируются главным образом на изучении различных форм человеческого поведения. Но существенные связи внутренних состояний индивида и его действий, представляющих собой внешнее выражение этих состояний, во многом пока остаются неясными» [2. С. 15]. По сути, С.С. Гусев утверждает, что субъект в своем мире и внешнем мире – два абсолютно разных состояния бытия, характер отношений которых нам неизвестен. Такого рода интерпретация субъекта и его собственной реальности означает, что проблема не может быть отражением несоответствия субъективных представлений о мире и самого мира, мышления субъекта и его поведения. Но опять-таки это вряд ли означает и то, что проблема вообще исчезает. Просто в таком случае проблема обретает в качестве сферы своего функционирования (существования) СР. А если это есть онтология субъекта, то будет ли его состояние, в котором субъект находится, проблемным? Может ли субъект исключить проблемность из своей деятельности? И если существует проблемное состояние онтологии субъекта, можно ли это состояние считать онтологией? Иными словами, если онтология проблемы и возможна, то как часть онтологии субъекта, то есть в качестве источника появления, функционирования и решения проблем.

Именно постановка вопроса об онтологической интерпретации проблемы – одна из важнейших задач современной эпистемологии. Однако одновременно следует заявить, что такого рода формулировка предмета исследования – достаточно «смелый» и «рискованный» шаг, поскольку в таком виде тема проблемы выглядит очень проблематично. Получается, что если есть онтология проблемы, то значит должен существовать определенный референт ее в реальности. Но в реальности мы вряд ли увидим какие-либо проблемы, сама реальность существует самодостаточно и независимо, что делала до человека, делает при человеке, будет делать после человека. И вот здесь можно сказать, что тогда онтологии проблемы нет и быть не может. Но это можно сказать, если мыслить проблему гносеологически. Однако и в гносеологической трактовке проблемы искомая объективность, возникающая в конце процесса познания путем снятия (решения) проблемы, носила субъективный характер. Ведь объективность задавалась определенными критериями, но эти критерии определял субъект. Как иначе объяснить ситуацию в философии познания, когда параллельно существуют такие подходы как эмпиризм и трансцендентализм, абсолютизм и релятивизм, чьи подходы к оценке объективности разнились. К примеру, трансцендентализм, полагая, что познание начинается с опыта, в конечном результате стремился «очистить» знание от опыта, в котором же познающий субъект видел проявление субъективности. Или наоборот, эмпиризм полагал, что в разуме (сознании, мышлении) нет ничего такого, чего бы не было в опыте. А раз там только лишь дублируется то, что уже было в опыте, то и суть этой сферы определялась как второстепенная. Таким образом, объективность как критерий научности знания (такого знания, которое абсолютно истинно и ему не страшна проблематизация) оказывается не столько самодостаточным критерием, сколько субъективно выведенным. А значит проблема – это не столько состояние знания, отображающее его соответствие/несоответствие между СР и внешним миром, сколько отображение осознания субъектом достаточности/недостаточности его знаний о том или ином объекте. Здесь уже пересечение с позицией, которую высказывает С.С. Гусев о том, что мышление (СР) и внешний мир, поведение субъекта представляют собой разные виды реальности, суть чьих отношений нам не ясна. Поэтому проблемность такого рода отношений исходит от наших представлений и к ним сводится, поскольку реальность существует сама по себе, а проблема – наши попытки эту реальность соотнести с нашими представлениями, сделать предметом мысли.

Тогда опять же возникает вопрос: а можем ли мы представить себе субъекта, СР вне проблемного состояния? Мы будем рассматривать ситуацию, которая не предполагает элиминацию ни опыта (внешнего мира, поведения), ни мысли (априорного), ни сведения одного к другому. Субъективный мир и объективный мир в таком понимании мыслятся как самодостаточные и несводимые друг к другу начала на основе какого-то универсального единства. И вот тогда, скорее всего, мы получаем ответ, что нет, что субъект, его СР не могут пребывать вне ситуации проблемы. И самое любопытное, что для современной философии такая оценка является достаточно распространенной и признанной. М. Бубер, М. Бахтин и другие исследователи констатировали, что субъект (человек) всегда пребывает в ситуации на грани, «не-алиби в бытии», то есть в проблемном состоянии. Аналогичные результаты получены и в научной сфере, где утверждается, что разумность, сознательность человека – это не гарантия, а результат, обусловленный особенностями социума и культуры. Как пишет С.С. Гусев, «в самом деле, результаты, полученные многими психологами и специалистами в области искусственного интеллекта, свидетельствуют скорее о том, что нормально функционирующая психика не является врожденным свойством человека, а возникает и поддерживается лишь там, где индивид существует в системе многообразных актов межчеловеческого общения. Ведь даже в собственном мышлении конкретный человек почти никогда (если не вести речь о каких-то экстремальных ситуациях) не остается исключительно наедине с самим собой. Каждый интеллектуальный акт оказывается связанным, явно или неявно, с ориентацией на какого-то «возможного» собеседника, предполагаемого сотрудника или оппонента, которого надо переубедить, привлечь на свою сторону или доказать ему ошибочность его точки зрения» [2. С. 16]. СР строится на наличии «Я-начала», а также «Другого», что приводит к

субъективному плюрализму, свидетельствующему не столько о «раздвоении» («растроении» и т.д.) субъекта, сколько о характере его внутреннего функционирования. И здесь возникает сравнение с проблемой в гносеологическом плане, когда «знание о незнании» говорит не столько о том, что есть знание, что есть незнание, а то, что одно не существует без другого. Так и в СР сочетание в субъекте его «Я» и «Другого» – это стабильное состояние, в основе которого лежит проблема. Но проблема уже не в гносеологическом плане, а в онтологическом. Ибо онтология проблемы – это онтологический принцип функционирования субъекта в собственной реальности. И если онтология проблемы и возможна, то в рамках СР.

Д.И. Дубровский полагает, что одной из актуальнейших тем современной философии является разработка темы гносеологии СР. При этом он констатирует, что «категории онтологического и гносеологического взаимополагаемы, ибо то, что считается существующим (или не существующим), всегда представлено в форме определенного знания. В свою очередь, само знание есть реальность, которая тоже представлена в форме знания о нем. При этом, как подчеркивалось выше, знание в своей исходной форме есть явление именно СР» [1. С. 46]. Д.И. Дубровский, констатируя, что онтологический и гносеологический аспекты взаимообусловлены, отдает предпочтение гносеологическому аспекту. Автор же полагает, что онтологический аспект имеет более лучшие демонстрационные возможности для философствования и познания. И тема онтологии проблемы это очень хорошо показывает.

Если использовать гносеологическую трактовку проблемы в рамках СР, то тогда сильно проявляется возможность «впадения» в солипсизм. Ведь что такое «знание о незнании» в условиях СР – это, по сути, «впадение» субъекта в ситуацию исключения незнания как такового из собственных представлений. Субъект в гносеологической трактовке себя и свою инаковость («другое») мыслит не как «живой организм» самого себя, а лишь как представление, фантазию, не влияющую на человека реально. Возникает иллюзия, что человек как хочет, так и мыслит, и это на нем не отражается. Онтологическое понимание проблемы приводит к другому следствию: меняя представление, субъект меняет СР, а это уже более существенный способ функционирования, заставляющий подойти ответственно к своему мышлению, поскольку это и есть сам субъект, его СР.

Д.И. Дубровский и сам признает, что онтология СР слабо изучена, просто он не разделяет онтологический и гносеологический аспекты СР, полагая их взаимообусловленность. Тем не менее он характеризует онтологию СР в зависимости от степени исследования ее гносеологической составляющей. «Онтология СР многомерна, слабо систематизирована, и наиболее широко она, конечно, представлена естественным языком и обыденным знанием. Этот уровень онтологии СР, выражающий исторический опыт человеческой жизнедеятельности, несмотря на свою ограниченность, служит, тем не менее, базисом для философских, психологических и других концепций СР ... Без основательной гносеологической рефлексии невозможна основательная онтология. Иначе мы получаем наивный онтологизм» [1. С. 47]. Иными словами, онтология СР конструируется на основе наших представлений о ней, чье содержание обеспечивает гносеологическая рефлексия СР.

В этом нельзя с ним не согласиться, но это и не значит, что нельзя пойти другим путем, отталкиваясь от онтологии СР. Во-первых, по причинам, изложенным выше, во-вторых, из авторских предпочтений, поскольку наши познавательные способности зависят от остроты их собственной структуры, то есть от содержания СР, а это все-таки более онтологический аспект, хотя принципиальной границы между онтологией и гносеологией СР нет. Собственное предпочтение уместно сопоставить с тем, как Л. Витгенштейн осуществил «лингвистический поворот» в философии. Речь идет об его онтологической трактовке языка, где было показано как средство может влиять на содержание, по отношению к которому это средство используется. Если язык определяет наши возможности в конструировании реальности, то правила языка автоматически могут быть экстраполированы и по отношению к реальности.

Используя подобный прием в сфере проблемы, автор может проанализировать онтологический статус проблемы в СР. В данном случае структура СР, имеющая в своей основе проблему (самопроблематизацию), ориентирована на динамику собственного существования, открытость, незавершенность, плюрализм. Хочется подчеркнуть еще раз, что эти качества – это не характеристики знания, хотя таковыми они и являются, но уже после, а это характеристики самой СР, так как она, утратив эти качества, перестанет быть СР. СР не может функционировать на основе того, что стремится ее устранить, сделать объективной реальностью (реальностью без субъекта). Поэтому СР строится на основе проблемы, которая сохраняет субъективность не только в качестве гносеологического принципа (знания), но и в качестве онтологического принципа (реальность субъекта). Проблема – это не только основание СР, но еще и средство этой СР. И это также подтверждают исследования в разных сферах знания (философия, психология и т.д.). То есть субъект не представляет собой раз и навсегда определенную структуру, действительность, это «наличная, сознаваемая многомерность, противоречивость, неукорененность в себе» [1. С. 43]. Как отмечает Д. Деннет, распространенное мнение о существовании некоего устойчивого «самостного» образа «Я», объединяющего и регулирующего всевозможные интеллектуальные процессы, осуществляемые индивидом, вызывают в последнее время все больше сомнений [3. С. 121]. А если такая структура субъекта влияет на знания, которые характеризуются как проблемные, то почему нельзя говорить, что данное постоянство состояния субъекта не является проблемным? И уже в этом

контексте следует говорить о нерасчлененности онтологического и гносеологического аспектов. Ведь косвенным подтверждением онтологического аспекта проблемы может являться и развитие темы релятивизма в познании. Причем автор вовсе не хочет этим сказать, что проблема в качестве онтологического основания СР порождает релятивизм в абсолютном смысле. Просто проблемное устройство субъекта постоянно проявляется не только в его функционировании, но и в результатах этого функционирования (познания). Релятивизация знания – это не показатель того, что мы уже не можем получить точного знания, а свидетельство того, что точность знания всегда относительна субъекта, эпохи, культуры. Нет точности вообще, а есть точность знания в конкретной системе и условиях. Об этом очень четко высказался Л. Витгенштейн: ««Неточный» – по сути дела упрек, а «точный» – похвала. То есть предполагается: неточное достигает своей цели с меньшим совершенством, чем более точное. Таким образом, здесь дело сводится к тому, что мы называем «целью». Значит ли, что я неточен, если я указываю расстояние от нас до Солнца с допуском до 1 м или заказываю столяру стол, ширина которого имеет допуск более 0,001 м?

Единый идеал точности не предусмотрен; мы не знаем, что нужно понимать под ним, – пока сами не установим, что следует называть таковым. Но найти такое решение, которое бы тебя удовлетворяло, довольно трудная задача» [4. С. 279–280]. Именно проблемность точности для познания и бытия, на взгляд автора, есть проявление проблемности устройства СР. И как бы здесь оппоненты не ссылались на то, что развитие техники не может быть реализовано без точных измерений, все же наличие поломок в ее работе, ограниченность в сроках эксплуатации также является доказательством того, что точность эта условная.

Проблемность устройства СР – это прежде всего основание неоднозначности ее как таковой, не бывает четкой однозначности в рамках функционирования СР. Такая однозначность может быть только в искусственных системах, которые априорно несубъективны (логика, математика, трансцендентальная сфера). СР – это живая система, которая не свободна от проблем, ибо последние и представляют собой жизненное наполнение процесса ее существования. Поэтому жизни нет вообще, нет объективно, то есть без носителя, а жизнь – это конкретные существа, организмы, чье существование требует постоянного контакта с окружающим миром, без которого жизнь останавливается. Даже автотрофные существа нуждаются в окружающей среде как источнике пополнении своих жизненных ресурсов.

Но, конечно же, основная сфера СР – это познание, сфера гносеологии, где проблема проявляет себя более явно и общепризнанно. Вряд ли найдутся исследователи, которые бы отрицали гносеологический статус проблемы, но именно по этой сфере судят о природе проблемы, полагая, что раз гносеологически проблема – это элиминируемое состояние знания, то, следовательно, никакой онтологии проблемы нет и быть не может.

Вообще возможная критика онтологии проблемы строится на основе гносеологических параметров познания, где утверждается абсолютность конечных результатов этого процесса. Так А.Л. Никифоров утверждает, что «история человеческого познания – это история преодоления субъективности и релятивности наших представлений о мире, это история формирования и накопления интерсубъективного, общезначимого знания. Познание – это стремление к абсолютному знанию, к истине, остающейся истиной во всех возможных культурах и мирах» [5. С. 71]. При таком подходе вопрос об онтологии проблемы никак не может быть поставлен, ибо СР – это то, что в процессе познания становится универсальным, всеобщим, то есть элиминируется. Проблема – это не только не характеристика онтологического плана, это некое искажение мира, которое способен допустить субъект.

Но все-таки в подобных рассуждениях есть любопытная сторона. Она связана с ориентацией на интерсубъективность и интернациональность научного познания. Ведь как бы в языке результаты познания не выражались, все же это познание осуществляет конкретный субъект, конкретный человек в условиях своей конкретной жизни и культуры. И если в знании после нет выражения его субъективного участия, подобная познавательная активность все-таки оказывает влияние. Ведь, во-первых, новое знание получил конкретный исследователь, а не все ученые сразу, а, во-вторых, сам механизм элиминации субъективного участия не совсем понятен. Конечно, он как-то реализуется, но насколько он четко устраняет субъективность и релятивность, неясно. Отчасти и сам А.Л. Никифоров констатирует, что «наши знания о мире релятивны – это знания человека. Можно ли преодолеть антропный релятивизм, можем ли мы получить знание, которое будет абсолютным знанием – знанием для любого мыслящего существа во Вселенной? Отрицательный ответ на этот вопрос лежит на поверхности, но он мне не нравится, а положительный ответ требует серьезного обоснования, которым здесь я заниматься не могу» [5. С. 71]. Вот и получается, что человек, не обосновывая свой ответ, принимает его, потому что другой ответ ему не нравится. А где гарантия того, что его обоснование будет принято человеком, которому оно не нравится? Так как же тогда подходить к этому вопросу? С моей точки зрения, возникновение ситуации, когда решение научной задачи зависит от мировоззренческих предпочтений исследователя, уже говорит о том, что СР не может быть элиминирована, а значит проблема имеет не только гносеологическую природу, но и онтологическую.

Ведь как тот же А.Л. Никифоров рассуждает: «В современном распространении релятивизма, в нынешней моде на релятивизм я усматриваю возросшую тягу к абсолютному: разные мыслители указывают на различные субъективистские стороны

наших представлений о мире с тем, чтобы мы быстрее освобождались от иллюзии и не принимали субъективное представление за объективную истину. Но такие указания имеют смысл только в том случае, если сохраняется представление об абсолютном знании» [5. С. 71–72]. А.Л. Никифоров полагает, что гносеологический релятивизм – это тяга к абсолютному, то есть он как бы рассматривает эту ситуацию от обратного. Для данной статьи важно то, что темы абсолютного и релятивного имеют одно основание, которое свидетельствует о том, что говорить об абсолютном без релятивного нельзя и наоборот в силу проблемного устройства СР. Без СР познания быть не может, а, следовательно, и рассуждений об его абсолютности или релятивности. Поэтому столь однозначно полагать, как это делает А.Л. Никифоров, что история познания – это история преодоления субъективности и релятивности наших знаний, я бы не стал.

Познание – это балансирование знания между абсолютным и релятивным, это установление отношений между полюсами знания и незнания. Но это не окончательное преодоление ситуации знания и незнания, хотя познание связано с получением нового знания. Правда, не следует забывать, что познание – это и получение нового незнания. Иными словами, познание всегда идет в ситуации знания и незнания, их пограничной соотнесенности, а именно эту соотнесенность в философии и науке называют проблемой. Только в условиях СР это состояние получает свое онтологическое измерение. Поэтому абсолютное и релятивное – не противоположности, требующие элиминации одного из начал, а противоположности, свидетельствующие о взаимообусловленности друг друга в силу проблемного основания СР. Разрушение хотя бы одного из начал ведет к устранению СР, чья элимининация «уничтожает» проблему как сферу бытия. Если бы было не так, то два субъекта могли понять друг друга абсолютно, а средства их коммуникации сделали бы это понимание исчерпывающим. Но с такого рода ситуациями человечество еще не сталкивалось. Даже один человек не может понять себя абсолютно, не может преодолеть свою проблемность, не говоря уже о другом.

В заключении хочется сказать, что, вероятно, автор и ошибается, полагая возможность онтологии проблемы. Но все же если онтология проблемы возможна, то возникнуть и функционировать она будет в условиях СР. Именно по этой причине тема субъекта, его статуса в познании до сих пор остро стоит в философии и науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубровский Д.И. Гносеология субъективной реальности: к постановке проблемы // Эпистемология и философия науки. – 2004. – № 2. – С. 35–55.
2. Гусев С.С. Коммуникативная природа субъективной реальности. Статья первая // Эпистемология и философия науки. – 2004. – № 2. – С. 15–34.
3. Деннет Д.С. Почему каждый из нас является новеллистом // Вопросы философии. –2003. – № 2. – С. 121–130 .
4. Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – Сост.: К. Королев – С. 220–546.
5. Никифоров А.Л. Необходимость абсолютного // Эпистемология и философия науки. – 2004. – № 1. – С. 70–73.

УДК 159.9